

Рижские тротуары пахнут дождём

«У меня их много, детских воспоминаний, — говорит госпожа президент. — Я спрашивала людей моего возраста, и многие отвечали, что из времён раннего детства ничего толком не помнят. Похоже, я довольно рано начала осознавать окружающее, а потому и запомнила многое. Может, ещё и потому, что ведь детство — как чистый лист: что на нём отпечаталось, то и остаётся навеки. У меня есть, кроме того, теория: в памяти остаётся всё то, что когда-то пережито с наибольшей остротой; всё зависит ещё и от состояний сознания в то время. Картины детства мне являются прямо-таки с кинематографической четкостью — словно я перематываю назад эту ленту, просматриваю снова и снова. Визуальные образы и — запахи...

Это и научно доказано: человек помнит запахи очень долго. Есть у французского писателя Жоржа Дюамеля знаменитая книга, начинающаяся словами (моя собеседница указывает на свою книжную полку и на память цитирует по-французски, тут же переводя текст на латышский язык): „Если мне суждено было бы однажды воскреснуть, я узнал бы по запахам землю отцов, страну моего детства“. У меня есть одно такое воспоминание, оставшееся от Риги, именно от улицы Лачплеша возле нашего дома. Я иду на соседний двор, ищу кого-то из детей, чтобы поиграть. Только что прошёл дождь, засияло солнышко, на улице лужи, и они мне кажутся очень красивыми, прямо-таки пленительными. Мне ужасно нравилось бродить по лужам, но, само собой, за это полагался выговор. До сих пор помню тот особенный запах, что источали камни города. Солнце светило после дождя, а камни пахли. Весь тротуар... Мне нравилось, как он пахнет, высыхая. Мы жили тогда на улице Лачплеша, 81».

На вопрос — пощадило ли время её родимый дом, сохранился ли он и можно ли его теперь увидеть, Вайра Вике-Фрейберга отвечает неожиданно прямо и прозаично: «Мой родимый дом — Первая больница». В крестьянских семьях ещё и в тридцатые годы XX века выражение «родной дом» означало не какую-то лингвистически-поэтическую конструкцию, а самую настоящую реальность: крестьянка рожала дитя у себя дома. На селе это не было редкостью, и название дома (а нужно сказать, сельские дома латышей стоят, как правило, по отдельности, и у каждого — своё имя) записывалось обычно в свидетельство о рождении. Вайра, однако, явилась на свет в уже упомянутой Первой больнице, что, без спору, более современно, но из факта рождения ребёнка в стенах роддома, как ни старайся, никаких ностальгических или романтических представлений не выжмешь.